

18+

Писательский клуб «Альманах»

Убить или Влюбить

Книга 2

Алия Латыпова

Убить или Влюбить. Книга 2

«Издательские решения»

Латыйпова А.

Убить или Влюбить. Книга 2 / А. Латыйпова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-986255-6

Убить или влюбить? Закружить героя в головокружительном водовороте страстей или провести по извилистым закоулкам страха, почувствовать сладость искусного флирта или горечь справедливого возмездия? «Убить или Влюбить» — сборник остросюжетных рассказов, выдержанных в лучших традициях жанровой литературы. Япония, Англия, Турция, Россия — послужили яркими декорациями для историй о жизни и смерти, о верности и предательстве, о добре и зле, о мужчинах и женщинах, способных любить и ненавидеть!

ISBN 978-5-44-986255-6

© Латыйпова А.
© Издательские решения

Содержание

Алена Бондарук	6
Анна Хапрова	15
Дарья Бритара	23
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Убить или Влюбить

Книга 2

Составитель Алия Латыйпова

Составитель Наталия Смирнова

Иллюстратор Анна Седова

© Анна Седова, иллюстрации, 2020

ISBN 978-5-4498-6255-6 (т. 2)

ISBN 978-5-4498-6087-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Алена Бондарук (@alenabondaruk)

ЗАКУЛИСЬЕ

Дебби ждала в гримерной театра «Валери» (тот, что на Малхоланд Драйв) Риту, медленно попивая виски со льдом. «Что ж, дорогая, недолг твой час. Скоро Норман выкинет тебя за ненужностью, крошка,» – так думала начинающая талантливая актриса, хитро улыбаясь про себя

* * *

Белая дверь гримерной неожиданно открылась, громко хлопнув о стену. Не ожидавшая такого быстрого возвращения, Дебби мгновенно повернулась, но неудачно: стакан с виски упал на длинное платье, облив его по всей длине, девушка, пытаясь встать, наступила на подол и на животе грациозно подплыла к ногам Риты.

– О, дорогая, это так мило! Так меня еще никто не встречал, делай так почаще, – смеясь, сказала Рита, рассматривая девушку сверху.

– Лучше помоги встать, Рита

– Конечно, конечно! Может, тебе и платье дать, милая?

– Было бы неплохо, – промурлыкала Дебби

Рита подошла к шкафу, расположенному прямо напротив дверей, и вытащила платье синего цвета.

– Это тебе подойдет! Примерь!

Дебби молча приняла и удалилась за ширму, украшенную портретами Риты Марено. Блондинка с томным взглядом умных серых глаз, с безупречно белой и гладкой кожей, покатыми плечами, завораживала. Но успех был связан не только с красотой, но и талантом: таким умением перевоплощаться в совершенно разные характеры обладали далеко не все. И Дебби это знала, потому то далека была до Риты. Во всем.

– Дебби, готова? Сейчас Норман придет, – спокойно сказала Рита и добавила, – с сыном.

– Как с сыном? – раздался возглас девушки. – Почему...

Она не успела договорить, как в дверь вошли двое мужчин, похожих друг на друга как две капли воды, только с разницей в возрасте: один был сед, другой брюнет.

– Леди, добрый вечер. Рита, ты готова?

– Да

– Дебби?

– Готова к чему?

– К ужину, милая. Норман и Френк пригласили нас в ресторан. Так что не прячься за ширмой, выходи уже.

Появление Дебби несколько шокировало мужчин.

Синее платье было в три раза больше самой девушки, по бокам свисало страшными складками, оголяя худые кривые ноги, которые Дебби старательно прятала под длинными нарядами. И в придачу к этому оно красилось... Лицо Дебби было странно-голубого цвета...

– О, детка, платье не по размеру... Как жаль... Господа, подождите нас в авто, мы скоро

* * *

– У нас есть для вас хорошая новость, леди! – произнес Норман, усаживаясь за столик ресторана «Катарина».

– О! Норман! Мы слушаем! – воскликнула Дебби, сияя улыбкой, в предвкушении чего-то очень хорошего.

Норман хотел было встать, стал отодвигать стул, но задел ногой стул Дебби. Стул, к сожалению, как и весь ресторан, впрочем, был отнюдь не новым. Ножка пошатнулась, и Дебби рухнула вниз, стукнувшись подбородком о край стула Френка. Пока она летела вниз, ее стакан с виски опрокинулся, залил брюки Френка. Люди вокруг улыбались: как-то очень комично выглядело падение девушки.

– Дебби, ты сегодня не в форме, – заметила Рита.

– Увы! – ответила Дебби, усаживаясь на другой стул, принесенный ей услужливым официантом.

– Норман, вы хотели нам что-то сообщить, – напомнила Рита

– Да, да, я помню!

– Дорогие леди! Нашему театру необходимы перемены! И вот что мы с Френком решили...

Норман не успел договорить. В это мгновение Дебби вскрикнула, закрыла рукой глаз и пулей вылетела из ресторана. В момент, когда говорил Норман, в глаз Дебби прилетела вишневая косточка. За соседним столиком дети ели вишневый пирог, и кто-то из детей решил избавиться от случайно попавшейся косточки...

Френк побежал за Дебби, которую обнаружил лежащей на тротуаре: она споткнулась на лестнице. Увидев его, девушка во всю глотку крикнула: «Иди ты к черту!», села в первую остановившуюся машину и уехала.

– Так умирают начинающие актрисы, – вздохнула Рита, понимая, что Дебби ей больше не соперница. Пока.

МЕСТЬ ГРАФИНИ СЕТТРИНГТОН

Ранним утром, когда Ричмонд еще спал, по улице бежал юноша. Он остановился около трехэтажного дома на Кью-Плэйс и громко постучал. Открыла дверь заспанная Мери:

– Мистер Смит, вы зачем так рано пожаловали?

– Мне срочно к мистеру Хью

– Но он спит!

– Это срочно, Мери, дай-ка я сам, – он отодвинул девушку и пошел на 2 этаж.

Хью Клэптон – знаменитость города. Кроме основной юридической специальности, он еще помогал расследовать всякого рода преступления. Клэптон был молод, холост и очень умен. Когда пришел Смит, он уже сидел в кресле, поджидая гостя.

– Доброе утро, сэр! Произошло такое!

– По порядку, Смит, и не торопись.

– Ночью священник Стоун нашел в саду тело герцога Джона Присли. Сэр Стоун послал срочно к вам! Он говорит, что там что-то нечисто...

– Жди меня внизу, через несколько минут спущусь.

Хью просидел один минут пять со своими мыслями наедине: «Наконец-то эта свинья сдохла! Интересно, кто отважился лишить жизни этого мерзавца?» Да, действительно, убитый славился отвратительным характером. Но самое главное – это то, что он тайно покупал невинных девочек, насиловал и отдавал обратно. Слухов много было, но за руку поймать никто не смог, потому что не было дела до простых детей.

По дороге Хью стал допрашивать Смита и выяснил вот что: Присли был заколот испанским ножом в спину, но при этом на лице его застыла улыбка. Значит, убийца он хорошо знал. Что ж, место преступления расскажет больше.

Мужчин встречал сам священник, испуганный и потрясенный.

– Я ума не приложу, почему в моем саду. Что же делать? Нужно поскорее узнать, кто убийца, – затараторил Стоун.

– Пойдемте в сад, – пригласил Хью, отлично зная, куда идти.

Убитый герцог лежал ничком, из спины торчал испанский сальва вигро с изящной рукояткой. Нож вытащил Клэптон, внимательно осмотрел, цокнув языком. Священник и Смит перевернули труп. Около тела Хью обнаружил следы двух мужских пар обуви, но вот следы не были вдавлены во влажную землю сильно. Весили убийцы немного. Похоже, это были женщины. Хью осмотрелся и заметил, что на ветке около места убийства тихонько колыхался тонкий длинный волос: «А вот и следы убийцы,» – подумал про себя Клэптон.

Мертвое тело увезли в отчий дом, где шла подготовка к похоронам. Сэр Хью Клэптон обещал найти убийцу семье Присли.

Он знал единственную блондинку города – баронессу Сетtringтон. Посетить ее он решил вечером, заранее предупредив.

Сьюзен Сетtringтон была вдовой. Про нее ходили слухи разного толка: и что она угробила своего мужа, и что у нее в любовниках сам дьявол. Характер был у этой леди далеко не прост: она делала все, что хотела, и говорила то, что считала нужным. Могла быть достаточно жесткой, а порой и жестокой. Мужчины боялись ее, женщины, как водится, завидовали.

Встречала она Хью в большой гостиной при свечах, вальяжно раскинувшись в кресле. Голубые глаза внимательно рассматривали мужчину, оценивая его внешний вид, манеры. Этот взгляд не понравился ему: чересчур открыто. Взгляд притягивало глубокое декольте, открывающее нежную белую кожу, красивые формы. Из-под платья, специально задернутого выше, чем положено, зазывно обнажились тонкие щиколотки... Хью постарался всем своим видом не показывать свои чувства, но от этой женщины такое не ускользало. Ухмыльнувшись, она спросила про цель визита.

– Вы же знаете, что я по поводу убийства.

– А я здесь при чем?

– Это вы убили

– Ну я, ну и что? Этого урода давно пора было прикончить

– Почему это вы сделали?

– Потому что когда-то он и меня изнасиловал. Опережу вас: барон Сетtringтон переступил меня ему в первую брачную ночь.

– Вы и барона убили?

– О нет! Я просто помогла... немного

– Как именно?

– А вам зачем?

– Я обещал семье герцога узнать, кто убийца. Узнав эту историю, брат герцога вас убьет. Вы думали, что вам ничего не грозит, но ошиблись. Убили вы его испанским женским ножом. Этой ночью испанцы покинули город, и вы это знали. Вы надеялись, что вся вина ляжет на них. Только не учла баронесса одного: есть я.

– Да, не учла.

– Неприятности ждут вас большие. Советую бежать. И чем скорее, тем лучше.

Графиня встала и очень близко подошла к нему.

– А если я и в вашу спину нож воткну? – тихо спросила она

– Ножа у вас нет, Сьюзен. К такому повороту вы не были готовы. Я предлагаю вот что: я скажу, что это испанцы. Про недавний спор герцога с испанскими купцами всем известно,

поэтому испанский нож в спине Присли никого не удивит. Ни Смит, ни священник не знают о моем визите к вам.

– И что я вам должна за это? – ухмыльнулась Сьюзен

– Ничего. Я против убийства как такового, но в данном случае я вам даже благодарен. Только в следующий раз, когда соберетесь убивать, посоветуйтесь со мной. До свидания!

САМУРАЙ ХАНГАКУ

Земля в форту у Тоссакаяма была усеяна трупами. Воины под предводительством Хангаку Годзэн противостояли атаке Сасаки Морицуна, но неудачно. Отбить врага не удалось. Выживших брали в плен. Особенно искали Хангаку, прославившуюся на всю Японию дерзостью и храбростью.

Морицуна беседовал во временной бамбуковой постройке с приближенными самураями. В это время открылась ширма, воин-охранник, в глубоком поклоне, сообщил, что к нему просится воин Хирото, он с пленником.

– Пусть войдет, – разрешил начальник.

В дверь вошел высокий Хирото, волоча за собой раненого воина, в грязи, в оборванных хакамах, со стрелой в ноге. Лицо воина было перемазано глиной, а руки плотно вцепились в меч нагинат. Присутствовавшие обступили его.

– А вот и сама Хангаку, – представил им Хирото пленную.

– Что-то непохож на женщину, – ухмыльнулся Морицуна.

– Твой воин прав, я Хангаку, – слабым голосом произнесла женщина. Сомнений ни у кого не осталось.

– Убить ее? – спросил Ямато, приближенный самурай.

– Нет, мы увезем ее к сегуну Минамото. Он давно хотел познакомиться. Но для начала отведите ее к Йошито, пусть посмотрит рану. Доставить ее нужно живой.

Хирото откланялся, уводя с трудом переставляющую ноги Хангаку. После встречи ее осмотрел старик Йошито, наложил мази на раны, перевязал льняным куском ткани и накормил двумя кусочками тофу.

Везли ее в Камакуру на телеге, руки были связаны. Иногда рядом появлялся Морицуна, внимательно разглядывал ее, и отдалялся. Никто с ней не разговаривал. Хангаку вспоминала, как недавно собрала трехтысячную армию, чтобы выступить против клана Ходзе и свергнуть сегунат. Их провинцию обворовывали, людей притесняли, всех юношей забирали на бесконечные войны. Опыт участия в войне уже был, хоть и не очень большой, а она вдруг решила, что сам сегунат свергнуть сможет. Наивная! И племянник по ее вине погиб... Что ж, такова ее жизнь. Она понимала, что везут ее на смотрины: очень уж хочется посмотреть Минамото на женщину-самурая. Пускай смотрят, исход-то все равно один. Жаль, что нагинат отобрали, не успела...

Поселили ее в Камакуре в одной из комнат во дворце сегуна под строгой охраной. Еду приносила одна из наложниц 13 ранга

Спустя неделю к Хангаку Годзэн пришли две наложницы. Одна из них принесла новое кимоно, ей помогли переодеться, причесали волосы, уложив в традиционную прическу. Вечером за ней пришел воин Асари Есито, близкий друг сегуна.

Сегун сидел на красных подушках с закрытыми глазами, поджав под себя ноги. Асари и Хангаку замерли в почтительном поклоне.

– Проходите, – рукой сегун показал на две подушки напротив.

– Посмотри на меня, достойный самурай Годзэн, – повелел сегун.

Их глаза встретились. Волевой взгляд женщины и властный взгляд Минамото.

– Сколько лет тебе, девочка?

- Двадцать три.
- Когда была первая битва?
- Пять лет назад.
- Ты достойно проявила себя. Кто твой учитель?
- Отец. Ё Сукэкуни.
- Я знал его. Достойный воин.
- Уведите ее! – быстро сказал охране сегун. Она откланялась, ее увели в комнату.
- Асари, ты тоже можешь идти.
- Скажи, сегун Минамото, что ты хочешь с ней сделать?
- Я пока не решил. Потом еще с ней встречусь.

Так, сегун встречался с Хангаку еще пару раз. Каждый раз он задавал вопросы про бой, про тактику и все. Что касалось войны. В ответ он получал достойные ответы. Что немало удивляло его. И всякий раз при встречах присутствовал Асари. Глаза его зажигались при встрече с девушкой. Это не ускользнуло от тонкого взгляда Минамото. Как-то раз он спросил Асари:

– Асари Есито, я вижу, что самурай Хангаку тебе нравится. Если она захочет, я выделю вам надел и отпущу.

В следующую встречу сегун, как обычно, задав вопросы девушке, неожиданно спросил ее:

– Самурай Хангаку Годзэн, если ты захочешь, я отпущу тебя с Асари Ёсито. Вы создадите семью. Я дам вам надел, но вы будете мне служить до конца дней. Если нет, то сегодня ты сделаешь харакири. Ночью ты и определишься, а утром мы увидим твое решение.

Хангаку поклонилась и вышла, охрана отвела пленницу в ее покои. Вечером на подушках ей принесли кагинат и веточку сакуры. Если она захочет выйти замуж за Асари, то должна будет в волосы вдеть веточку сакуры.

Утром в комнате нашли труп девушки с сакурой в волосах.

СЛАДКИЙ СОН

Двери дома семьи Одинцовых открылись, впуская колкий зимний воздух. С шумом ввалились разбурьяненные девицы с не менее раскрасневшимися взрослыми. Встречал гостей хозяин, Павел Иванович Одинцов, красивый мужчина, славный отец семейства и уважаемый обществом дворянин.

– Папа, на Мойке замечательный каток! А какие горки залили этой зимой! В два раза выше самого Аркадия Петровича!

– Ну вот. Ты расстроила меня, Мими. Дразнить нехорошо! – рассмеялся Павел Иванович, – здравствуй, Аркадий Петрович! Рад видеть тебя!

– Павел Иванович, я ведь не мог не приехать, ты знаешь. Как только мы приехали, Олюшка сразу про вас стала спрашивать и на каток проситься. Как знала, что мы там и повстречаемся! – ответил старый друг Одинцова.

– Гости дорогие, просим в гостиную, а там и чай скоро будет готов, – пригласила гостей Наталья Андреевна, жена Павла Ивановича. После чая с разными сортами варенья, привезенными из орловского поместья, все разошлись отдыхать. Кроме мужчин, предпочитавших провести за мужскими разговорами пару часов. Они удалились в кабинет ПИ (простите за такое бездарное сокращение, но автор вынужден экономить по причине дурацких правил ИГ).

– Аркаша, со мной происходят странные нелепости. Рассказывать кому-то, особенно Натали, совершенно невозможно. Выслушай, прошу. И не вздумай решить, что я сумасшедший!

– Павел Иванович, пугаешь. Готов-с, – Аркадий уселся поудобнее в мягком кресле, закуривая любимую трубку.

– Я живу двумя жизнями. Одна – вот сейчас, здесь. Все как обычно. Но стоит мне только уснуть...

ПИ рассказывал историю долго. Аркадий Петрович все это время настороженно молчал.

– Вот и вся моя история. Что скажешь, Аркаша?

– Мистика какая-то. Я и завидую тебе, и в то же время страшно за тебя.

– Мне нестрашно. Но я очень устал от этого. Думаю, что ее обещание скоро исполнится.

– Ты в это веришь?

– Увы!

* * *

ПИ лежал в кровати, думая о том, что ночью он снова встретится с НЕЙ: «Боже, как сладко и как горько! Моя во сне, не существующая вовсе...» Глаза смыкались, очень хотелось спать. Улыбка на красивом аристократичном лице замерла.

Он лежал на теплой изумрудной траве, рядом журчал прохладный родник.

– Я ждала тебя, любимый! – зеленые глаза впились в его глаза, рыжие длинные локоны касались его груди. Ее розовые губы скользили по лицу, спускаясь все ниже и ниже. Нежные тонкие пальцы прикасались так, что он почти терял сознания от одолевавшего желания немедленно овладеть ею. Он оттягивал до последнего ту самую волну, когда мир уходит из-под ног, когда ты сам – и смерть, и жизнь, и вся Вселенная.

После они отдыхали, наслаждаясь пением птиц, синим небом над головой под тихий рокот воды. А потом много говорили. Она рассказывала про жизнь этого мира, про прозрачных людей, населявших его. Мир этот был привлекателен, справедлив. Но ПИ знал, что это обман. А она сначала звала. Потом стала ненавязчиво настаивать. Теперь же говорила с полной уверенностью, что заберет его. И время близко. Он отшучивался. А она была серьезна как никогда. Вот и в этот раз она села, прикрыв совершенное тело, и сказала:

– Сегодня ты останешься здесь навсегда.

– А если я этого не хочу?

– Что тебе там делать? Ты же сам говорил, что ты задыхаешься, что несчастлив. А здесь все иначе, здесь РАЙ.

– Я не верю тебе, прости.

– Ты уже здесь. Ты видишь меня. Ты чувствуешь меня. Ты любишь в конце концов. Ты попал сюда неслучайно, это же очевидно! Выбор только за тобой, милый. И помни: иллюзия везде: и там, и здесь. Я уйду на время, а ты решай.

ПИ откинулся на траву, закрыл глаза...

* * *

– Паша, Пашенька! Вставай, дорогой! Маша! Срочно зови сюда Ивана! —Наталья трясла мертвое тело мужа, пытаясь разбудить того, кто выбрал другую жизнь.

СПАСЕНИЕ

Поиск_У

25.05.1979

«Здравствуй, дорогой Джон.

Тебя, наверное, удивила моя геолокация. Да, жизнь – штука та ещё. Спросишь, какого черта я делаю в Бразилии? Преинтереснейшая история! Вот только послушай.

Неделю назад мне позвонил мой давний знакомый Оскар Уинст, у него случилась беда: сбежал сын. И как думаешь, куда? В записке мальчик написал, что отправляется в Бразилию, в город Серра-Пелада. Ты не поверишь, этот пятнадцатилетний Майкл решил стал золотоискателем. Оскар умолял помочь найти сына. Все мои попытки объяснить, что со следовательской деятельностью покончено (мою историю тебе не нужно рассказывать), не увенчались успехом: Оскар твердил, что только мне под силам вытащить Майкла. Как ты понял, пожалел я мальчишку и отправился в эту горячую страну.

Город Серра-Пелада – муравейник сумасшедших людей... И ведь самое сложное: очень трудно опознать кого-нибудь, потому что все одинаково грязные. Живут здесь в отвратительных условиях: мыться негде; по вечерам большинство пропивает все, что успело заработать; проститутки на каждом шагу – даже не знаю, возможно ли выжить после «общения» с этими существами. Более того, мрут как мухи: кого-то засыпает оползнями, кого-то убивают. Общаться совершенно не с кем: люди здесь одержимы... Клондайк заразы и смерти.

Мальчишку я пока не нашел. Знаю только, что он здесь – двое арендаторов опознали его. Полторы недели назад этот Майкл искал комнату

Я разделил город на квадраты. Три из них уже изучил, но пока безуспешно.

Твой друг Картер, вечный искатель приключений»

30. 05. 1979

«Здравствуй, мой друг! Если бы ты знал, в какую передрагу я попал. Совершенно случайно я обнаружил наркопритон, где торгуют несовершеннолетними детьми. Я обратился в местную полицию, но там не среагировали никак, зато теперь на меня, кажется, началась охота. Приходится искать Майкла очень аккуратно. За мной следит пара грязных бразильцев-оборвышей. Думаю, это от полиции: боятся, что я донесу на них.

У меня большая просьба: позвони Оскару (телефон на обратной стороне письма) и сообщи, что поиски продолжаются.

С благодарностью, Картер»

05.06. 1979

«Приветствую тебя, Джон!

Прочесав 10 квадратов, я вышел на след Майкла. Он нанялся к некому местному феодалу на поиски. Пришел я к этому Карлосу и испугался: он огромен и страшен. Ты только представь, он гора, ладони у него как три мужские, голова – баскетбольный мяч. А глаза... Глаза буравят насквозь. Улыбка злобно-хитрая. Майкла он узнал, но сказал, что таких юнцов у него пруд пруди и судьбой каждого из них он не интересуется. Он позволил побывать на его участке. Отправился я туда ранним утром: работа там кипела вовсю. Рабочие сновали вверх-вниз по самодельным лестницам. Вверх тащили тяжелые мешки. Меня поразило желание людей вот так разбогатеть. Быстро. А жизнь мимо идет. На моих глазах улетели в пропасть трое. И знаешь, что самое ужасное? На это никто не обратил внимания. Я многое повидал за свои 40 лет, но видеть ЭТО я не хочу. Сейчас прикладываю максимум сил, чтобы найти сына Оскара и вернуться в Штаты.

Пожелай мне удачи, Джонни»

15.06.1979

«Здравствуйте, уважаемый мистер Джон!

Пишет Вам Майкл, тот, кого мистер Картер искал в проклятой Бразилии. Пишу Вам я, потому что это была последняя просьба доброго человека. Дело в том, что он умер: слишком поздно обнаружили малярию. А условия в Пеладе ужасные, врачи так себе.

Наверное, Вам интересно, как он нашел меня? На самом деле я знал, что отец меня будет искать и обязательно придет кого-то. Но мне очень хотелось помочь папе распла-

титься с огромным долгом. Но я ошибся: таким способом не заработаешь денег, особенно теперь, когда там столько народу.

Так вот. Когда я увидел белого американца, задававшего вопросы прохожим и работающим, я понял, что это за мной. Я пришел к нему сам, но сразу он меня не узнал, потому что я был весь в грязи и в лохмотьях. Мы ушли вместе к нему. А вечером ему стало плохо. Утром врач сделал укол, но лучше мистеру Картеру не стало. Тогда он мне отдал деньги на билет и попросил написать письмо Вам, потому что Вы его единственный близкий друг».

СТАМБУЛ, КОШКИ И ЛЮБОВЬ

* * *

Моя прабабка Мадина, жившая во дворце самого султана, предсказала, что один из ее потомков продолжит их знатный род в другой стране. Но пока и бабушка, и родители жили в Стамбуле – древнейшем городе мира.

Пора представиться – меня зовут Пия, мне всего 3 года. Пару раз меня хотели забрать на постоянное житье в дома, но я сбегала – люди мне совсем не нравились. Я люблю свободу. Мой брат Бени – да, нас на свете двое – говорит, что просто я пока не влюбилась в человека. Он уверяет, что такое обязательно случится. Но я сомневаюсь. В ноябре мы с Бамби, моей бывшей подружкой, подрались: и теперь на моем правом боку шрам-урод. Его не закрывает моя белая шерсть. Эх! Такова жизнь уличных кошек.

Если вы подумали, что нам, кошкам, живется плохо в Стамбуле, то вы сильно ошибаетесь. Нас никто не обижает. Мы как коровы в Индии – нас чтут и уважают. Если кто-нибудь убьет кошку, то должен будет построить мечеть. Как вам такое? У нас нет проблем с едой, с местом: мы хозяева здесь. Пусть и четвероногие.

Между прочим, завтра начнется мой любимый фестиваль тюльпанов. Каждый год сюда наезжает тьма народу. И я люблю гулять по улицам Стамбула: пахнет едой, тюльпанами и людьми. Самое любимое местечко – парк Эмирган. Там много деревьев и зеленых фигур: в них можно прятаться и есть вкусности, наблюдая за людьми. Знаете, люди думают, что животные бестолковые и ничего не смыслят. А нет! Мы очень тонко чувствуем настроение каждого, его вибрации и запахи. Если на человеке вина, то он пахнет плесенью. Если человек влюблен, от его исходят приятные волны – так и хочется потереться. Ну а злых мы обходим стороной, они воняют.

Мы с Бени завтра пойдем гулять. И будем много болтать. А еще увидим новых людей – это всегда очень интересно. Ну и поиграем в наши любимые догонялки. Присоединяйтесь!

* * *

Расскажу вам про вчерашнюю прогулку.

Я увидела ее и по мне пробежал ток: в ней было что-то родное. Я пошла за ней. Было много людей и приходилось быть очень аккуратной, чтоб не затоптали или, спаси Аллах, не отдавили хвост или лапу. Она поняла, что я иду за ней и сказала подруге:

– Лен, глянь, кошка эта за нами идет. Посмотри, какая она белая!

– Мда, еще не загорела, – пошутила ее подруга Лена.

Честно говоря, я не понимаю, как это происходит: я понимаю язык людей, даже если они из других стран. А вот Бени не может так, говорит, что я ненормальная

Я шла за ними до самого их дома. Около дверей она присела и погладила меня. Это такое счастье! Ее ласковые руки скользили по спине, по голове, и я растворялась в любви. Вот то,

о чем говорил брат. Она звала меня, но я е пошла. Подожду второго раза, ведь неприлично вот так сразу соглашаться. Они ушли, а я прилегла под лестницей дожидаться следующего утра.

Пока никто не выходит. Спят, наверное. Еще рано: улицы тоже спят. Но скоро здесь все зашумит, загалдит – это Стамбул! Лучший город мира. Я это точно знаю. А вот и она! Я села напротив лестницы, а она воскликнула:

– Ты все еще здесь?! Бедняжка, и все это время сидела ждала меня? Я положила голову на ее колени и снова волной счастья окатило меня. Она позвала меня с собой, и я пошла.

– Лен, глянь, кого я привела с собой.

– Мы же уезжаем через час, Катя. Что с ней делать?

– Мы ж на машине, заберем ее с собой

– А она захочет?

– Посмотри на нее: она не отходит от меня ни на шаг.

– Ок, давай попробуем. Только надо еды купить для нее и домик-клетку, как там все называется у кошатников?

– Не знаю. Еды достаточно, остальное дома приобретем. Киса, ты нас здесь жди, мы скоро придем за тобой.

Я не знала, где жила Катя, но готова была хоть на край света с ней идти. Я легла около кресла и стала ждать. Ждать ее рук, ее голоса.

* * *

Машина мне не понравилась. Ужасные ощущения, но я терпела. На границе нас остановили. Девушки вышли, взяв меня с собой. Худой парень, увидев меня, спросил, откуда я. Катя рассказала, что я уличная и привязалась к ней. Потом они долго о чем-то разговаривали в стороне, я не слышала. Она стала кричать. Подошли еще двое мужчин, один из них взял меня и показал мое ухо: под шерстью был чип: я принадлежала Турции, а здесь запрещен вывоз животных, даже уличных. Я являюсь собственностью государства... Как ни уговаривала Катя, ничего не получилось. Даже выкупить не получилось. Я вернулась в Стамбул: привезли полицейские. Мне очень грустно. Бени сочувствует мне, но что это даст? Пожалуй, брошусь под колеса. Лучше так, чем без любви....

Анна Хапрова (@annakhaprova)

КАРЬЕРА ЖОЗЕ

Картина первая, стремительная. Жозе несётся по улице, перепрыгивая через ящики и тележки торговцев. За ним, не очень стараясь догнать, бегут полицейские...

Жозе был молод, беден и лёгок на подъём. Он был хорош собой и артистичен, что позволило ему оставить карьеру потомственного рубщика тростника в бразильской глубинке и продвинуться в сфере оригинального жанра – он поднялся до уровня напёрсточника в столице, где разводил на деньги мелких клерков и туристов – в особенности туристок. Последние просто млели от Жозе – его белозубой улыбки, чёрных кудрей и голубых весёлых глаз.

Одевался Жозе, как и все – по погоде: белые хлопковые штаны, цветная рубаша, щедро расстёгнутая на груди, и сандалии. Сандалии не совсем вязались с обликом свободного уличного артиста, тут бы больше подошли шлёпки, но профессия предполагала частые и внезапные контакты с полицией, всегда переходящие в быстрый бег по улицам Бразилии, заставленным лотками и ящиками – в сандалиях, понятно, удобнее. К слову, преследователи не очень старались догонять – все ведь заплачено...

Так бы и шла карьера Жозе в гору, если бы не казус в лице ассистентки Лилит. И когда выяснилось, что девушка не только его ассистентка, но и любовница Босса, пришлось выбирать – немедленная смерть или долг с отработкой в золотом карьере Серра Пелата, где смерть весьма вероятна, но хотя бы отсрочена. Жозе выбрал второе.

Картина вторая, безрадостная, но не безнадёжная. Жозе организует игру и выигрывает.

Оказавшись в Серра Пелата и осмотревшись, Жозе точно понял, что в карьер он не полезет, а попробует заработать на азарте людей и выбраться отсюда живым как можно скорее, желательно – не замавав белых брюк. План рискованный – ведь азартные игры в Серра Пелата были запрещены. Но лучше рискнуть, чем точно сдохнуть в огромном, вонючем, кишасщем больными людьми овраге, громко именуемом карьером.

Вечером в бараке Жозе начал своё шоу, и дело пошло. Запреты запретами, а люди хотели отвлечься от смертельной усталости и навязчивых мыслей о том, где же оно, долгожданное богатство. В первый же вечер Жозе выиграл приличный самородок и золотого песка по мелочи.

Картина третья, еще более стремительная, чем первая. Жозе несётся по улице, перепрыгивая через ящики и тележки торговцев. За ним, не отставая, бегут полицейские.

Понимая, что с таким богатством до утра ему не дожить, Жозе отправился в «город грехов», расположенный неподалёку для удобства желающих этим грехам предаться. Он шёл, избегая патрулей и отсиживаясь в кустах. А утром в городе его уже искали и, конечно, нашли.

Когда полицейский окликнул его, Жозе стартанул. Бежал он так быстро и вдохновенно, что на Олимпиаде-80, которая проходила в тот год в далёкой Москве, вполне мог бы претендовать на медаль. Но преследователи тоже бежали вдохновенно и тоже могли бы претендовать, поскольку в случае неудачи им бы досталось не меньше, чем Жозе.

Картина четвёртая, отчаянная. Жозе меняет стратегию, но не уверен, на что.

Жозе неся не разбирая дороги, и, понимая, что ему не оторваться, заскочил в самые большие двери, которые попались на глаза.

Бордель. У стойки стояла крупная фигуристая женщина – видимо, Мадам. Жозе прерывисто дышал, глаза сверкали, рубашка потемнела от пота. Мадам повела рукой.

– По коридору направо, номер 4. Быстро! – и крикнула – Роза, Лита, в четвертый и помочь одеться!

Роза и Лита быстро раздели Жозе, потом одели, накрасили, устроили на кровати и ушли.

За дверью раздался шум. Ключ снаружи повернулся и в комнату ввалились двое с пистолетами.

– Да вот же он! – и один выстрелил. По ткани чёрного атласного халата расплывалось мокрое пятно. Тёмное на тёмном. Жозе закричал.

Картина пятая, реальная. Жозе, одетый в атласный женский халат, чёрный с розами по подолу, с тюрбаном на голове и алой помадой на губах, лежит на широкой постели.

Жозе закричал и открыл глаза. Всё та же комната, пятна на груди нет, но он мокрый от пота. Заснул?

Ключ снаружи повернулся, вошла Мадам.

– Знаешь, кто я?

– Нееееет, – проблеял Жозе, понимая, что лучше бы ему знать...

– Я твой добрый ангел, меня зовут Primeira Dama.

Санта Мария де ла Круш! Изаура де Медейрос! Эта женщина держала за одно место столько боссов преступного мира – в буквальном смысле!

– Я всё уладила. Ты можешь идти, если, конечно, не хочешь поработать на меня, – подмигнула Primeira Dama. – Ты такой милашка! А самородок я оставлю себе. На память.

ВСЕ ДЕЛО В ГОЛОВЕ

Лиззи думала о шагах и о боли – туфли натирали ужасно, до крови, а до Беверли-Хилтон ещё четверть мили. Новый Форд остался на Кармелита-Авеню – не хватало еще, чтобы машину приметили.

Лиззи старалась не выделяться. Приличная женщина – не домохозяйка, не «пури-танка-за-сухой-закон», просто работающая и деловитая. Высокая и тонкая, с маленьким ртом и острым носом, локтями и коленками, коих не видно под юбкой, она олицетворяла строгость и изящество – вероятно, консультант магазина одежды на Родео Драйв – доставит покупку богатой клиентке и поможет подогнать по фигуре. В каждой руке – значительного вида сумка с платьями и пикантным бельём, походка, осанка – элегантность, недоступность... но как же больно в туфлях... и голову не мыла 3 дня, и не спала почти – не до этого, столько надо успеть... хорошо, что стрижка короткая, и шляпка правильная.

Она удачно замужем за уважаемым и, естественно, немолодым фармацевтом. Их семейное предприятие, где она ассистент и управляющий, вполне себе процветает – местные терапевты ежедневно выдают рецепты, в том числе и на виски! Это и привело Лиззи в бутлеггерство. Ах, как же это славно – такая уважаемая, и такая преступная! Острая пряная приправа к немолодому мужу.

За стойкой великолепного Беверли-Хилтон скучал Эндрэ (Эндрю местного разлива). Увидел Лиззи – расправил плечи и навёл томный взгляд... Вот номер брони. Он уловил тонкий виноградный запах – может и сивушный, но не для тоскующего по выпивке Эндрю – будь проклят этот «сухой закон»! – он сразу, вроде как, опьянел, поплыл в сладкой грёзе. «Невероятная женщина!» – протянул ей ключ, даже не посмотрев на круглую бирку с номером, и глазами, осоловевшими и полными мечты, проводил до лифта.

Лиззи вошла в номер, осмотрелась. Богато, комфортно. Огромная кровать, козетка в изножье, стол и зеркало у стены (да, для настоящих леди, которые моют голову каждый день), платяной шкаф, стол с цветочной композицией в середине. В таких номерах останавливались

звёзды – Пикфорд и Фэрбенкс, например. А вот если бы Фэрбэнкс один, а тут я... Да не дай Бог, я ж голову 3 дня не мыла, и ноги в кровавых мозолях...

Дело прежде всего! Сняв шляпку, Лиззи сдвинула цветы и освободила место на столе. Из своих объёмных сумок, приподняв роскошные тряпки, начала извлекать драгоценное содержимое – вино и виски. Товар контрабандный, качественный. Сейчас будет Салли, ассистентка на студии MGM и чья-то любовница, примет партию, расплатится. У Салли здесь постоянный номер для встреч. Киношники требуют вдохновения – то в чай, то в кофе, то со льдом, то в чистом виде и прямо в постель. Лиззи нравилось, что в каждом фильме MGM был и её – такой своеобразный – вклад.

Отошла от стола и открыла большое окно, выходящее на фасад здания, – какой красивый вид на Бульвар Санта-Моника! О, вот и Салли, заходит в отель.

Что это?! Открывают дверь? Так скоро?! Удивительно! Нет, это не Салли! В номер вошёл мужчина – высокий, широкоплечий и – сердце ухнуло куда-то в желудок, потому что это был...

Дуглас Фэрбенкс опешил (насколько ему позволяли напомаженные усы и идеальная осанка). Он пришёл увидеться со своим адвокатом по поводу особняка, построенного в браке с Мэри Пикфорд... А тут эта незнакомая леди и много бутылок на столе.

– Позвольте, милочка! А что Вы делаете в моём номере?!... Он обошёл стол с противоположной от Лиззи стороны и встал спиной к окну. Смерил взглядом сначала девушку, затем выставку на столе. Ммм. – Потрудитесь объяснить! Смотрел на Лиззи насмешливо, скрестив руки на груди.

Это конец – подумала Лиззи. Он видел бутылки и всё понял. Он меня сдаст. И какого чёрта я не помыла голову?! Позор, он видел меня такой! такой!

– Сдохни!

Решительно шагнула к столу, схватила бутылку Каберне (красное, сухое, 1918 года, она почему-то помнила эту этикетку, и, замахиваясь, кинулась на мужчину... Он не ожидал, сопротивляться и не думал, просто в растерянности отшатнулся...

Лиззи зацепилась ногой за сумку с дорогой одеждой, и поняла, что промахивается. Она летела вперед, бедро встретилось с подоконником, инерция перенесла тело наружу, и вот – изящно и неотвратно, как в кино – она уже падала с четвертого этажа на мостовую Бульвара Санта-Моника, озаренную закатным солнцем Калифорнии и ведущую в блестящее будущее Американской киноиндустрии, в которую Лиззи – увы – уже не внесёт свой скромный, но такой вдохновляющий вклад.

Как мало! Как мало! И главное – голову не помыла! – пронеслось в сознании Лиззи прежде, чем мостовая приняла её тело, взорвав внутренние органы и смяв тонкие косточки, и прежде, чем зажатая в руке бутылка Каберне 1918 года брызнула миллиардом сверкающих осколков и плеснула жирной багровой кляксой. Это было хорошее вино.

У стойки Андрэ строил глазки Салли и подбирал для нее правильный ключ. Ой, что-то упало – сказал он глядя ей за спину сквозь огромное стекло вестибюля Беверли-Хилтон. Салли обернулась.

– Да вроде все нормально, – сказала она, цапнула ключ и пошла наверх.

Дуглас Фэрбенкс, несколько растерянный но вполне адекватный, взглянул на стол – батарея бутылок виски и вина. «Невероятная женщина! Что она там говорила про голову? Надо будет выпить за неё... Но как мало... Как мало...»

ВСПОМНИТЬ, ЧТОБЫ ЛЮБИТЬ

Никогда я не был на Босфоре,
Ты меня не спрашивай о нём.
Я в твоих глазах увидел море,

Полыхающее голубым огнём.
(Сергей Есенин)

Мне сразу вспомнились эти строки, когда ты сказал ей, что в апреле вы поедете в Стамбул. Константинополь. Царьград. Город султанов, дворцов, гаремов, чудесных садов и восточных сладостей. А в апреле, когда вы будете там, это ещё и город тюльпанов.

Я бы хотела поехать с тобой, больше всего на свете. Но у тебя есть жизнь – работа, апрельская неделя отгулов и женщина, которая поедет с тобой.

Зачем она тебе? спрашиваю я иногда у себя самой, пытаюсь понять, что привлекло тебя в ней. Хрупкость? Детская улыбка? Маленькое, детское же тело? Но ведь она не дитя – в ней нет той искренней радости и восторга, которые есть в детях, и которые ты так любил во мне... Может, ты ждёшь, что она окатит тебя с ног до головы восторгом от праздника тюльпанов, и тогда в твоей душе разгорятся искры счастья? Расцветут большим огнём? Почему-то мне не верится: слишком вялый у неё восторг, не глубокий – так, лёгкая волна, забрызгает слегка и сойдёт. И танец живота она танцевать не умеет...

А помнишь, как я веселила тебя в твоём прошлом воплощении? Ты лежал на коврах и подушках, смотрел как я расставляю тюльпаны по высоким вазам – их были сотни в моей спальне. Твои глаза светились тогда счастьем – ты принимал мою радость, я делилась ею с тобой, потому что была полна, как море. Я и была морем – морем радости. Потом я танцевала для тебя. И мы любили друг друга.

С тех пор я всегда рядом, бестелесный дух, лишь вздох твоей души, позабывшей радость. Сколько раз я пыталась напомнить тебе, приходя неуловимыми чертами в других женщинах – моим взглядом, моим смехом, разрезом глаз, моим жестом, манерой закрывать лицо рукой, когда мне очень смешно или я смущаюсь... Ты пытался вспомнить – но не смог...

Часто по ночам, когда твоя женщина спит, ты выходишь на балкон или на крыльцо своего дома, даже в холод или дождь. Тебе не спится – ты чувствуешь моё присутствие, пытаешься что-то понять, осознать...

Теперь я жду апрель и праздник тюльпанов. Ты будешь в Стамбуле – в великом древнем городе, полном старых снов и памяти, которую ты утратил. Я верю, что старые улочки, стены и фонтаны помогут мне, и полная Луна, и собственная моя память, сохранившая всё, что было у нас с тобой, в каждом ударе моего сердца, пока мы были рядом...

Когда твоя женщина уснет, утомлённая дневными прогулками и одурманенная густым ароматом тюльпанов, ты выйдешь на балкон своего гостиничного номера. Ты увидишь меня внизу – я буду танцевать у фонтана в лучах полной Луны. Искры света будут стекать по моей жемчужной накидке. Мои белые руки будут изгибаться, как лебединые шеи, обещая ласку. Мои бедра будут двигаться в ритме, приглашая танцевать со мной.

Ты захочешь увидеть поближе и спустишься ко мне. Начнёшь узнавать, протянешь руку, дотронешься до моих губ. В этот момент ты вспомнишь то, что позабыл, ты вспомнишь радость! Ты снова вспомнишь меня. И ты снова сможешь любить!

Тогда ты станешь искать меня в каждой женщине – и я воплощусь, я найдусь, я буду.

Чтобы найти – надо вспомнить, ЧТО ты утратил, и ЧТО ты ищешь.

Я – твоя радость.

Я – твоя нежность.

Я – твоя любовь.

ЛЮБОВЬ И НЕЛЮБОВЬ

История эта началась в 1830 году, в имении Столыпиных, где летом собиралась знать Петербурга и Москвы. Но лишь началась...

Екатерина Сушкова, 18 лет отроду, была чудо как хороша – огромные чёрные глаза, смоляные волосы до колен, изящный стан. Будучи сиротой, жила она с тёткой и имела обширную родню в обеих столицах, обращалась исключительно в светском обществе и слыла одной из самых образованных девушек своего времени – хорошо музицировала, пела, танцевала, неплохо писала акварелью, вышивала и знала 10 рецептов варенья. Чего ж ещё? К тому же обладала она острым живым умом, умела пошутить и посмеяться – в общем, была irresistible (фр. – неотразима) в глазах юного поэта Михаила Лермонтова. Ему было 17 и он влюбился.

Михаил искал её общества, ходил за ней с толстым томом Байрона, вечерами донимал сентиментальными разговорами. Ей было 18, она считала его мальчишкой:

– Вам, по Вашему возрасту, надо бы со сверстниками играть. В волан, к примеру, – и подаёт ему волан, – а не изображать изощрённого поэта...

А он любил, отчаянно и вдохновенно, посвятил Сушковой 11 стихотворений – позднее критики назовут их «Сушковский цикл».

В следующий раз они встретились в Санкт Петербурге в 1834. Многое изменилось.

Екатерина собиралась замуж. Жених её, Александр Лопухин, друг Лермонтова, был образован, богат, хорош собой и обожал свою невесту. А она... Ей было скучно. К 22 годам она заимела репутацию кокетки, принимала множество ухаживаний, искала новизны.

Михаил Лермонтов, уже поручик, носил «красную куртку» – гусарский ментик. И талант! Боже, он просто гений! Пусть мало кто знаком с его творчеством, но это – так! Сушкова понимала – знала, ощущала. Сушкова – искала, ждала, жаждала – любви.

Как просто и как сложно – любви!

В салонах высшего света Санкт – Петербурга Екатерина была украшением, триумфом, венцом. Она привлекла внимание Михаила Лермонтова. Но гений – в отличие от юного поэта – разряд смертельный! После него не живут. Иногда – выживают, но редко. Екатерина пала жертвой – жертвой любви. Чувство вспыхнуло, обожгло и поглотило. Стал не важен жених, помолвка, предстоящая свадьба. Благоговела перед Лермонтовым – настолько он был выше, гениальнее, превосходнее всех вокруг, а главное – выше её самой. Трепетала, когда он целовал и слегка сжимал её руку в приветствии, когда томно смотрел на неё через зал, когда говорил с ней и читал стихи.

А Лермонтов ухаживал, но как! Он был насмешлив и презрителен, заставлял унижаться, ожидать, умолять – пусть даже только в мечтах... Она любила. Он – мстил.

– Я ничего не имею против Вас; что прошло, того не воротишь. Я ничего не требую от Вас. Я не люблю Вас и, видимо, никогда не любил, – так сказал он ей на прощанье. Такие же слова скажет Печорин княжне Мэри в «Герое нашего времени».

Да, теперь он не любил. Но он любил когда-то – когда она смеялась над нежным чувством. Теперь же он проучил кокетку.

Екатерина Сушкова разорвала помолвку с Лопухиным, некоторое время спустя вышла замуж за дипломата.

Михаил Лермонтов написал стихотворение «На смерть поэта» и Высочайшим повелением был сослан на Кавказ.

АНГЛИЯ И ЙОРК

– Господин мой, прибыла Ваша невеста, – старый Джон-два-топора старался быть учтивым, но... Воин всегда остается воином, а он всегда был честен и резок. И сейчас это сообщение звучало... нет, не с осуждением! Да кто он такой, чтобы судить господина! Он же Джон-два-топора, старый рубака, друг – на самом деле, если отбросить титулы и привелегии. Да и Бог с ними, сами разберутся! И Джон-два-топора, выполнив положенное, в таких вот размышле-

ниях отправился на задний двор – метать ножи и топоры в деревянную мишень с дюжины ярдов – любимое занятие в мирное время. А в военное – так и просто полезное!

Граф Ламарк не видел невесту ни разу. Англия не терпела сентиментов, страстей и привязанностей – важен долг, присяга и верность. Остальное заменит эль и добрая сеча за Корля. Ему же (Королю) достанется серьёзная доля объединенного имущества новобрачных – так гласит обычай и правила брачного контракта. Король объединяет земли и состояния. Так надо для Англии и Йорка! Никто не посмеет оспорить, или даже задать вопрос – почему я? Ответ известен – так сказал Король. Ламарк не думал о счастье, молил лишь об одном – пусть все будет хорошо!

Их венчали в старой церкви города Шорби. Церемония была нарядна, канонична и не вызвала ни у кого из присутствующих иных чувств, кроме благоговения и радости. Леди Нора и Граф Ламарк являли собою идеальную пару, совпадавшую по возрасту, красоте и состоянию – всё на благо Англии и Йорка!

После торжественного ужина молодых проводили в их покои.

Служанка помогла Норе раздеться, уложила в постель с балдахином.

Ламарк мерил шагами террасу. Нервничал? Странное чувство, невероятное, незнакомое... Ни в бою, ни в борделе... Бред, так быть не может, это просто дева – и делов-то...

Она молчит, дрожит, боится. Дотронуться до волос – шёлк, кинуться лица – шёлк, провести рукой вдоль бедра – шёлк... Да что жэ это?

Качнулся вперёд. Ощутил препятствие. Теперь осторожно и медленно, и надо отвлечь.

Слегка ослабил давление, завёл обе её руки за голову. Заглянул в глаза – и утонул, сам не заметил, как...

Нора, девочка! Печать поцелуя на твоих устах и одновременное – уверенное, неотвратимое и довольно безжалостное – движение вперед, сквозь преграду...

Твоё – аай...

Моё – дай...

Ты моя, моя – и уже не сдержаться, не остановиться, уже не успеть сказать – и зачем слова? Всё же ясно... Моя... Ещё, ещё... И рррай, рай, рай...

У дверей спальни стоял караул. На каждом повороте коридора замка стоял караул, но здесь особый: Джон-два-топора не позволит никому нарушить покой господина, ни в этот особый день, ни в любой другой. Гобелен на стене справа от двери едва качнулся – совершенно незаметно, просто за ним открылась тайная дверь, и нечто бестелесное проскользнуло сквозь неё. Джон-два-топора непременно заметил бы – если бв было что заметить. Тонкое шило, смазанное ядом, нежно вошло в бычью шею старого воина, он даже не почувствовал боли. Это было почти милосердно.

Бесшумно отворив дверь, нечто проскользнуло в покои. Пока привыкало к темноте, прислушивалось – ровное дыхание – мужское, женское со всхлипами – бедняжка, даже во сне не может успокоиться. Ничего, сейчас пройдет. Тать в ночи, бестелесный призрак, существо бесшумно подобралось к кровати и занесло клинок над женской фигурой...

Нора ввела стилет в пустоту прямо из-под одеяла, очень медленно и плавно – она не могла позволить себе ошибку. Яд парализовал быстро – сначала нижнюю часть существа, затем торс и руки, горло – затем всё, дыхание отказывало. Очертания уже проявлялись – похоже на чело-века. Эта тварь никогда не скажет, кто заказчик, но отец Норы (не только астролог, но и ядовар Йорков) разберётся...

Граф Ламарк держал жену на руках. Она наконец уснула – не удивительно, столько переживаний за один день и одну ночь. Подумал: «А ты не просто моё богатство! Ты – моё сокровище! Да здравствует Англия! Да здравствует Йорк! И ты, любовь моя!»

МАСКА МОТОКИЁ

Москва, наши дни

В особняке на Малой Бронной тихо и сумрачно – семья на отдыхе, прислуга в отгулах, только старый Тенгиз на службе – принял у курьера посылку и принес в кабинет Алексея.

– Вскрывать сами будете?

– Да, Тенгиз, отдыхай, на сегодня всё.

Алексей остался один. Не торопясь, плеснул в хрусталь виски. Щурясь, глядел на посылку, сделал глоток, отставил бокал...

Открывал несдержанно и нервно, срывал обёртку с вожделением, как-будто обнажал давно желанную женщину. «Любовь моя... Вот ведь как встретились...» Алексей смотрел и не мог насмотреться. Аккуратно, как положено в традиции – за краешки – поднял на вытянутых руках и... поклонился.

Иркутск, наши дни

Драмтеатр стоял на ушах... Театр Но из Киото, древней столицы Японии, традиции и правила – как только в райдер на 10 листах уместили! Примерки не готовы, в отеле прорвало канализацию! Директор сходил с ума и в своём безумии родил план – подготовить примерки так, чтобы ведущие актёры японской труппы провели в них пару дней, как в отеле – с максимальным комфортом. А мы развлечения организуем, чтобы не особо на канализации циклились!

Киото, 1374

Представление театра Но в Киото посетил сёгун Асикага Ёсимицу. Был он первый воин, и было ему 16. Игра великого Киёцугу и сына его Мотокиё поразили сёгуна. Искусство Но – это маски, которые намекают, но не выражают. Лишь талант актера, голос, жесты могут заставить маску жить и говорить. Асикага Ёсимицу стал почитателем искусства Но и покровителем труппы Киёцугу. А сына его – Мотокиё – он взял себе в пажи. Аристократы осуждали этот шаг, но паж был любимцем сёгуна, и знать носила ему дары, пытаясь удивить и порадовать. Всех поражали бархатные глаза и шёлковая кожа Мотокиё. Мальчик, такой нежный, что вполне мог бы быть девочкой. Но ведь девочка не могла играть в театре – это невозможно, как восход Солнца на Западе.

Иркутск, наши дни

Акихико смотрел на Таню и не верил своим глазам. Золотые волосы до попы, голубые глаза как два озера, крутые бёдра – она как-будто сошла с экрана его любимых анимэ... В Японии таких женщин не было, он точно знал, он видел многих... Ведущий актёр, «наследник Киёцугу», умеющий оживлять древние маски, он учился у несравненной Хикэри Ямагути – единственной женщины, которой было позволено играть в театре Но и – единственной – кому позволили носить маску Мотокиё! Оригинал маски XIV века хранится в музее Киото, а в специальной шкатулке, которая стоит здесь на гримерном столике, лежит копия, в которой Акихито будет играть. Завтра... А сейчас – золото волос и омут голубых глаз!

Таня ушла на рассвете. И не с пустыми руками – в пластиковом пакете из Магнита она несла какую-то коробку – не иначе, сувенир из далёкой Японии.

Киото, наши дни

Мамору работал охранником в Музее Истории в Киото уже 45 лет. Работу свою он любил и знал экспонаты не хуже искусствоведов. Особенно любил он театральные маски – такие старые, что возраста им нет, и такие ценные, что цены им нет. Совершая очередной обход, он остановился возле маски Мотокиё. Великой актрисе Хикэри Ямагути позволили играть в ней для Императора, когда давали спектакль в честь визита Президента России и сопровождавших его важных лиц в 2000 году.

Что-то остановило Мамору – не сразу, но он осознал, что тень от маски Мотокиё была другая! Это не оригинал – понял старик, когда сердце сжалось в болезненной судороге. Он успел нажать «тревожную кнопку», рухнул на пол. Через 30 минут с диагнозом «обширный инфаркт», его доставили в отделение интенсивной терапии центральной больницы Киото.

Токио, 2000

Визит Президента России в Японию. Делегация состоит из разведки, контрразведки, дипломатов, переводчиков и олигархов, которым есть что предложить японским корпорациям. Алексей, молодой но очень крепкий олигарх, с поддержкой как в разведке, так и в контрразведке, очень не хотел идти на представление каких-то древних масок – скучно... Но то существо на сцене – непонятно, мужчина или женщина – заставило его внимательно смотреть все три часа подряд. Маска как-будто жила, двигалась, улыбалась и хмурилась, страдала и смущалась.

Дальше был приём с участием актёров. Атташе по культуре представил – и Алексей познакомился с актёром – оказалось, это актриса, что вообще было уникальным событием в культурной жизни Японии, и стало уникальным событием в личной жизни Вахтанга. Хрупкая, даже тощая, темноволосая, с острыми чертами лица властная женщина оживляла не только маску – она оживила Алексея, на два последующих дня заставила его улыбаться и хмуриться, страдать и смущаться. Вахтанг был влюблён совершенно и бешено. В России таких женщин не было – он точно знал, он видел многих... Вахтанг отбыл с делегацией, чтобы вскоре вернуться. А через три дня референт сообщил о внезапной кончине великой японской актрисы Хикэри Ямагути. Разведка и контрразведка подтвердили – якудза.

Ни один из предполагаемых контрактов Алексея в Японии не состоялся.

Москва, наши дни

В особняке на Малой Бронной было тихо и сумрачно. Алексей методично пил. Иногда он подходил к коробке, в которой лежала маска Мотокиё, аккуратно брал её за края, где дырочки для завязок – как велит традиция. Держа маску на вытянутых руках, он произносил «Любовь моя...», кланялся и бережно клал обратно в коробку. И снова методично пил.

Дарья Бритара (@darya_britara)

ЖЕМЧУЖНАЯ МЕЧТА

1929-й. После головокружительного успеха «Крыльев» Уильям Уэллман готовится снимать новую картину, детектив с Ричардом Арленом в главной роли. «Опасный рай» должен выйти в прокат уже в сентябре.

Мэри Уикс, крошка Мэри, как её звал отец, родилась в Мэдфорде, штат Орегон. Как и многие её подруги, она хотела стать актрисой и часто представляла себя в роскошном вечернем платье рядом с Ричардом Диксом или Дугласом Фэрбенксом. С твёрдым намерением пробиться в Голливуд, собрав однажды свой чемодан, Мэри перебралась в Лос-Анджелес. Отбор на роль главной героини она не прошла, радужная мечта столкнулась с реальностью, и пришлось искать себе «земную» работу. По счастью для съёмочной площадки набирали технический персонал, удалось устроиться помощницей костюмера. Её святой обязанностью стал контроль за сценическими костюмами и помощь участникам киносъёмок в переодевании.

Конечно, не так она представляла свое будущее. Но внутри теплилась надежда, ведь именно так в Парамаунт с самых низов начинал Ричард Арлен, случайно попав в объектив камеры. Поначалу его не воспринимали всерьёз, но кинолента получила «Оскар» и в миг сделала Ричарда популярным.

Голливуд был красивой сказкой и манил к себе души мечтателей, а они, словно бабочки, слетались из самых отдалённых участков страны, чтобы сгореть в огне страстей или быть безжалостно раздавленными этой огромной машиной.

В тот день была весна. Но Мэри не замечала её. Дни напролёт она проводила в помещении, заполненном костюмами, ремонтируя и приводя их в порядок. Самое сложное время наступало вечером, когда после полного дня съёмок перед ней вырастала гора одежды, которую нужно было разобрать и подготовить к следующему дню. Бывало так, что она просто засыпала на работе.

– Мэри, не забудь, пожалуйста, про туфли. Завтра будут снимать сцену в саду, и они непременно потребуются мисс Кэролл.

– Хорошо, мистер Хардвик, – старший костюмер в течение дня дежурил на съёмочной площадке, и его рабочий день заканчивался намного раньше, чем у его помощницы.

В помещении царил беспорядок. Огромный стол в центре комнаты был завален вешалками и чехлами, рядом с ним высилась гора одежды. Тут же стояла широкая гладильная доска с тяжёлым утюгом. Слева, вдоль стены, под напольными вешалками в специальных ящиках хранилась обувь, а на полках стояли коробки с головными уборами и аксессуарами. В правом углу была зона примерки с ширмой и огромным зеркалом.

В этой обстановке Мэри жила уже полгода. Устало опустившись на табурет, она посмотрела на гору одежды у стола. Сегодня Нэнси зацепила подол платья, и его теперь надо починить, ведь завтра сцену будут переснимать. А Рикардо никому не сказал, что пролил лимонад, и к вечеру на рубашке красовалось липкое жёлтое пятно. Поправив локон, выбившийся из причёски, девушка вздохнула и осмотрелась. Не об этом она мечтала. На глаза попалась длинная жемчужная нить, и все её существо наполнилось восторгом, в предвкушении закрыв глаза, Мэри надела бусы. словно и не было усталости, девушка бросилась к вешалке с платьями. Её взгляд был прикован к короткому платью тёмно-синего шёлка. Без промедления она стала сдергивать с себя ненавистную рабочую одежду, оставшись перед зеркалом в нижнем белье.

Перламутровый жемчуг загадочно блестел, и кожа от этого казалась ещё более молочной. Глядя в отражение, Мэри приложила платё к себе. Синий шёлк оживил её глаза, они засияли от радости. Она была влюблена, она любила Голливуд за мечту, за то, какой она могла бы в нём стать. Мэри стояла перед зеркалом, представляя себя на съёмочной площадке рядом с Ричардом Арленом и на вечеринке танцующей с Кларком Гейблом.

– Мисс, Вы из массовой? А костюмер уже ушёл...

Никогда ещё возвращение с небес на землю не было столь резким. У неё за спиной стоял сам Дикий Уилл. Восторг и радость сменились нарастающей внутри паникой.

– Вынужден признать, Вам очень идут эти бусы, – мужчина приобнял её. Мэри оцепенела, чувствуя себя беззащитным крольчонком во власти матерого хищника. Никто не отказывает Дикому Уиллу, о чем бы он ни попросил.

Она стояла не в силах отвести глаз от отражения. Уилл ещё некоторое время смотрел в зеркало на замершую девушку, а потом прикоснулся губами к её шее, и обхватив ее руки, плотно прижал к себе. Словно не выдержав натиска, жемчуг разлетелся по полу.

– Не переживайте, мисс. Завтра Вас здесь уже не будет, а уборщица всё соберёт. К тому же нам есть чем заняться, – Дикий Уилл улыбнулся и вернулся к завязкам на белье.

Перламутровые бусины были повсюду, в глазах Мэри застыли слезы. Её мечта разлеталась на осколки. Может, и хорошо, что это будет Уилл. Рано или поздно это бы произошло. К тому же жемчугу не место в Голливуде...

ПРОКЛЯТОЕ ЗОЛОТО

1979-й. Серра Пелада, Бразилия

– Луис, я больше не могу так жить. Я словно землеройка. Земля повсюду. Она въелась в кожу, она скрипит у меня на зубах. Когда я закрываю глаза, я вижу землю, я снова и снова грузю мешок и поднимаю по этим бесконечным лестницам. Иногда мне кажется, что я схожу с ума, потому что не в силах отличить сон от реальности. Мне снится, что земли становится так много, что я просто не успеваю её выгрести.

– Нанду, я прошу тебя ещё немного потерпеть. Мы почти вычислили их. Потерпи ещё недельку – другую...

Пару дней в этом аду...

Все начиналось вполне невинно. Когда-то давно назад жизнь на время свела их пути, сделав товарищами по оружию, чтобы потом развести их дороги. Луис остался служить Бразилии, а Фернанду вернулся на ферму отца, занялся семейным делом и вскоре женился. Апельсиновая роща семьи Сантос давала богатый урожай много лет. Фернанду с десятком рабочих следили за деревьями, а когда приходила пора, собирали апельсины, аккуратно заворачивали их в бумагу и укладывали в деревянные ящики. Обычно после этого Фернанду уезжал на своём маленьком грузовичке в Сантарен или Макапу, где можно было выгоднее продать собранный урожай.

Именно там, в Сантарене, и было суждено ему вновь встретить теперь уже капитана Луиса Жоао Альвареса. Капитан был направлен вместе с отрядом в Пару, где в окрестностях Лысых гор обнаружили золото. Фернанду слышал от своих рабочих о людях, бросивших свои семьи и работу и отправившихся за мечтой в прииск Серра Пелада. Золотая лихорадка охватывала округу словно болезнь, и многие, желая попытать удачи, становились гаримпейрос.

Нанду не знал, что именно повлияло на его решение: радость от встречи со старым другом или рассказы о золотых самородках. Но он недолго сомневался, когда Луис позвал его с собой в Марабу. Ему требовался проверенный человек среди старателей. Сезон работ

на ферме подошёл к концу, апельсины были проданы. Сборы заняли всего пару дней, и, пропившись с семьёй, Фернанду Мурило Сантос отправился покорять горы.

Конечно, он и представить себе не мог, как в действительности обстояли дела на прииске. Мараба не произвела хорошего впечатления. Городок на берегу притока Амазонки был полон сомнительных личностей, здесь гаримпейрос расслаблялись и спускали на ветер заработанные деньги. Множество питейных заведений и публичных домов ждали счастливицов, желая удовлетворить их нужду. Воровство, пьяные драки, насилие, убийство были скорее нормой, чем исключением. Это было ужасно, но худшее было ещё впереди. От Марабы до палаточного городка ходил грузовик. Здесь же шло распределение участков. Остальной путь до карьера предстояло пройти пешком. Приехав, Фернанду сразу закрепил за собой пару метров земли. И влился в толпу загорелых старателей.

За несколько месяцев тысячи людей разрыли огромную яму. Спускаясь по деревянной лестнице, он понял одно: остаться в этом месте и не испачкаться не выйдет. Поэтому он отбросил всякие сомнения и просто стал делать своё дело.

Карьер был опасным местом и требовал осторожности. Несколько раз случались оползни и обвалы грунта, уносившие с собой жизни рабочих. Новички срывались с лестниц и летели в вырытый котлован, чтобы навсегда остаться в Серра Пелада.

День за днём Нанду разрывал на участке землю, наполняя мешок грунтом. Грязный и мокрый, поднимался с ним наверх, где просеивал его в надежде найти золото. Несколько раз ему везло, и тогда Нанду продавал найденное, получая заработанные тяжёлым трудом деньги. После чего всё повторялось снова.

В толпе рабочих фермер держался особняком, друзей себе так и не завёл. Спал, как и все, в палатке, в постели прямо на земле, от чего поначалу сильно болела спина. Первое время он часто просыпался по ночам, но в итоге усталость взяла верх, и, добираясь до постели, он стал выбираться до самого утра. А потом всё начиналось сначала.

Сам того не заметив, Фернанду Мурило Сантос стал таким же как сотни тысяч рабочих Серра Пелада. Грязным, мокрым и уставшим.

Раз в неделю он встречался с Луисом в Марабе, рассказывая обо всем, что видел и слышал. Несколько гаримпейрос сговорились меж собой, и теперь находить золото стало в разы опаснее. У счастливицов отбирали найденные сокровища иногда вместе с жизнью. Банда росла, постепенно завоевывая власть в карьере и захватывая лучшие участки. Отряды военных не справлялись, и случайных смертей в Серра Пелада стало больше. Луису почти удалось вычислить костяк банды, когда Нанду сообщил ему о готовящемся мятеже.

– Ты пойми, Луис, оставаться там сейчас опасно. К тому же я давно не видел Марию и детей, – попытокнул Фернанду.

– Да, ты прав. Ты долго рисковал жизнью. Наверное, так будет лучше. Уезжай сегодня же.

– Завтра. У меня остались там вещи. Сдам участок и уеду. Ты заезжай к нам, Мария готовит потрясающий апельсиновый джем, а в воскресенье печёт булочки.

– Буду рад встрече. Спасибо за помощь, друг, – Луис надел шляпу и вышел из бара, оставив бывшего товарища за столиком одного.

Радостная улыбка осветила лицо Фернанду. Ждать оставалось недолго. Завтра он будет свободен. С этими мыслями направился в дом напротив, где девочки обслуживали своих клиентов.

– Наньо, это ты? – Пухленькая брюнетка, улыбаясь, обняла его за плечи.

– Я попрощаться, Жуана.

– Ты меня бросаешь? – В голосе прозвучали капризные нотки.

– Я уезжаю. Вызывают на ферму, – словно не заметив настроения, объяснил мужчина.

– Ну, раз так, милый, доброй дороги, – обойдя барную стойку, она налила кружку пива и толкнула её Фернанду. – За мой счёт, Наньо. Жаль, что я тебя больше не увижу.

Мужчина осушил бокал и, поблагодарив Жуану, вышел в направлении пустыря, где стоял грузовик. Добравшись до палаточного городка, он первым делом отказался от участка, который тут же передали другому старателю, мечтающему разбогатеть.

На душе было легко. Это последняя ночь в палаточном городке. Последняя ночь в аду. Сон был гадкий, опять снилась мокрая грязь и земля. Он спал слишком крепко, поэтому не слышал, как к нему вошли. Острый нож прервал сон Фернанду навсегда.

Мария так и не дождалась мужа. Серра Пелада стала его могилой.

СОН НАЯВУ

20 февраля 1879 года. Петербург

– Катенька, позвольте мне проводить Вас.

– Пётр Михайлович, я очень признательна за помощь. Но вынуждена отказаться, – уже десять минут Катенька, она же Екатерина Андреевна, урождённая Рогова, пыталась избавиться от назойливого профессора.

– Катенька, Вы проявляете редкий интерес к моему предмету. Ваше усердие, всенепременно должно быть вознаграждено, – мужчина при этом оказался несколько ближе, чем предполагали приличия, а его глаза, внимательно следившие за девушкой, как-то странно блеснули из-под очков.

Стараясь увеличить дистанцию Катерина сделала вид, что не заметила особого внимания со стороны преподавателя, отступила на пару шагов назад и взяла со стола книгу.

– Мне действительно надо спешить, меня ждут. Всего хорошего, Пётр Михайлович, – и присев в небольшом реверансе, девушка вышла из кабинета.

Катерина Андреевна окончила гимназию и, когда узнала об открытии в Санкт-Петербурге Высших женских курсов, очень обрадовалась. Конечно, плата была большая, её родители не могли себе позволить заплатить и вполнину меньшую сумму. Но здесь ей повезло, участие в судьбе девушки приняла родная тётка, сестра матери, оплатив обучение полностью. Хороший гимназический аттестат и справка о политической благонадёжности помогли достичь желаемого: теперь она училась на специальном математическом факультете.

Башмачки уверенно стучали по мраморному полу в направлении библиотеки. Профессор Никитин вряд ли последует за ней, но стоило поспешить. На обед она уже опоздала, поэтому взяв необходимые книги, Катерина отправилась в общежитие. Комнату она делила с подругой, Мария изучала словесность и, видимо, ещё была на занятиях.

В комнате всё было обставлено просто. Каждая девушка имела в своём распоряжении металлическую кровать с несколькими подушками, комод для белья, у окна стол со стулом и полку для книг. У самого входа стоял умывальный столик и возвышался шкаф общего пользования. Не все могли себе позволить такие условия, к тому же обе девушки были аккуратными и чистоплотными, что делало их совместное проживание комфортным для обеих.

Катерина, оставив книги на столе, переобулась, сняла накидку и умылась. На сегодня с учёбой покончено, завтра выходной. И можно было со спокойной совестью прилечь. Не раздумывая, она схватила одну из книг и улеглась на кровать. О чем была книга не важно, ведь вскоре девушку сморил сон.

Дом, родной дом. Матушка с батюшкой в гостиной пили чай и обсуждали дела.

– Катерина, присаживайся, раз вошла. Нам есть о чем поговорить с тобой, – от этих слов девушку передернуло. Мать никогда не говорила с ней таким тоном, хоть и бывала порой недовольна решением дочери.

– Пока тебя не было, мы с отцом обсуждали твоё будущее, – при этом мать выразительно глянула на отца, и он вступил в разговор.

– Ты получила хорошее образование, но теперь пора определиться в жизни, – что-то было не так. Катерина почувствовала напряжение.

– К нам намерен приехать с визитом мой старый знакомый. Мы с ним вместе учились. Много лет назад он помог мне, когда на кону была моя жизнь. И я поклялся, что однажды выручу его. Не смотри на меня так осуждающе, Катерина.

– Андрей, не тани, ближе к делу. Ты же знаешь Катюшу. Ещё убежит, так и узнав сути дела.

– Он вдовец, пять лет назад потерял жену. Но теперь намерен вновь жениться. Он хороший человек. И я думаю, что сможет составить твоё счастье и обеспечить будущее.

– Папенька, но я прошла на курсы и хочу учиться!

«Этого не может быть, это происходит не со мной», – в голове царил беспорядок, мысли путались.

– Катерина. Я дал слово чести и свое благословение. Ты станешь его женой.

– Ни за что! – И девушка бросилась прочь из дома.

«Это сон, это должен быть сон», – твердила она себе, пока бежала по улице. Наверное, она отвлеклась, споткнулась и упала, она не помнила. Единственное, что было точно, – это то, что она вовсе не планировала, столкнувшись посреди улицы с мужчиной, валяться с ним на мостовой. Его рубашка была хорошей материи, впрочем, как и сюртук. Мужчина обнимал её, вовсе не пытаясь отстраниться. Она прижалась к его груди, и почувствовала запах одеколона. Аромат горчил и пьянил одновременно.

Катерина подняла голову и попыталась разглядеть лицо, но что-то мешало, последовавший поцелуй заставил её обмякнуть и забыть о своих планах. Руки мужчины, ловко справляясь с пуговками, проникли под одежду. Он легонько прикусил ей ушко, было немного больно и неожиданно приятно, по телу разлилось тепло.

«Моя, навеки моя!» – Слова прозвучали в голове девушки, но это были вовсе не её мысли. Резкая боль внизу стала центром маленького мира и возродила желание отстраниться, попытку вырваться пресек новый поцелуй. Катерина почувствовала вкус крови во рту и попыталась освободить свои руки. Но мужчина крепко держал её, прижимая к земле, давление и боль усиливались, неволие и пытка продолжались. Кричать она не могла, словно кто-то отнял её право голоса.

Тьма сгущалась, словно ожила и обрела вес, и вскоре мужчина слился с тьмой воедино.

Катерина ощутила резкий толчок глубоко внутри, от которого словно что-то разорвало её на части. Боль настолько охватила всё её существо, что прощальный поцелуй она не заметила.

Удар был отточенным, а орудие острым. Спустя две минуты Катерина Андреевна была мертва. Она окончила Высшие женские курсы раньше всех.

Тело курсистки нашла её соседка по комнате. Катерина лежала на кровати, странно изогнув руки, глаза были открыты, на лице застыл ужас. Юбка платья была высоко задрана, а из груди торчал кинжал.

Пётр Михайлович не мог успокоиться и нервно мерил кабинет шагами. Как он мог допустить такую оплошность, увлечься настолько. Свою работу он выполнил, убийство курсистки не было сложностью. Проблема возникла, когда он в неё влюбился, настолько, что потерял власть над собой и сделал Катерину истинно своей. Будет большой скандал. Семья вряд ли обрадуется такой невестке...

Сотворив портал в родной мир, Принц крови шагнул во тьму перехода.

ПРИЗРАК ДЕВИЧЬЕЙ БАШНИ

Апрель 2020. Турция, Стамбул

Он встретил её в районе Гранд-базара. В тот день он слонялся бесцельно по улицам города, пока не увидел её.

Она выглядела чудесно в своем светлом платье чуть ниже колен и белой шляпке, в руках у неё была небольшая сумочка и фотоаппарат. Девушка вела себя как тысячи других туристок. Стоя посреди улицы, она изучала бумажную карту. Заинтересованный молодой человек подошёл поближе, и смог уловить чуть сладковатый аромат её духов.

О, Стамбул! Сколько прекрасных женщин приезжает сюда! Как не восхищаться этим творением Всевышнего...

Он заговорил с ней. Её звали Мария. Оказалось, она довольно неплохо говорила по-английски, а её приятный голос журчал словно ручеек. Услышав этот голос, сердце мужчины впервые пропустило удар. Как и предполагалось, девушка заблудилась. Недолго думая, мужчина вызвался помочь.

На карте крестиками были вычеркнуты места, которые она уже посетила, а там, где предстояло побывать, стояли жирные точки. Именно одна из таких сильно больших точек, больше смахивающих на кляксу, и стала причиной проблемы. Поняв это, он вызвался сопровождать её, чтобы показать красивейшие уголки Стамбула. Кокетливо глянув на него из-под шляпки и улыбнувшись, девушка дала своё согласие.

В тот день он вновь открыл для себя Стамбул. Они побывали во Дворце Топкапы, Айя-София, бродили по Цистерне Базилика, у Немецкого фонтана, пили чай в кафе с видом на Голубую мечеть и мечеть Сулеймание. Мария оказалась хорошей слушательницей, и жадно внимала его рассказам о городе. При этом в глазах девушки загорался загадочный огонёк, а улыбка не сходила с лица. Эта улыбка покорила его сердце.

В магазине девушка долго выбирала себе армуты и расписные блюдца, полчаса приценивалась к ожерельям в лавке украшений. Мужчина не устоял и купил ей подарок – серьги с турецкой бирюзой. Сначала она отказывалась принять их, но когда сказал, что это на память об этом дне и их встрече в древнем городе, согласилась.

Галатский мост они перешли, крепко держась за руки. Её маленькая ладошка с тонкими длинными пальчиками была тёплой и мягкой.

Смотровая площадка невероятной Галатской башни открыла вид на волшебный город, после была прогулка на старом трамвае улицы Истикляль до монумента Республика. Фотоаппарат давно уже висел у него на плече, количество снимков перешло за сотню, а Мария постепенно завоевывала его сердце.

От площади Таксим подземный фуникулер унёс их к причалу Кабаташ, и сев на катер, молодые люди отправились к Девичьей башне. День клонился к завершению, и вечернее солнце освещало Босфор. Стоя у поручня, он глядел вдаль, уже не представляя себе жизнь без Марии: что угодно, только не расставание с ней. В голове мелькали картинки. Вот она его невеста, на венчании они клянутся друг другу в любви, вот их первенец, чудесный мальчишка, и малышка-дочурка, вот они вместе путешествуют. Его мечты, его семья и любовь.

Резкий крик чайки вывел его из раздумий, он оглянулся, Марии рядом не было. Его охватило беспокойство. Обходя катер, мужчина спрашивал о ней и всё высматривал в толпе знакомый силуэт и белую шляпку с лентами. Но так и не нашёл. Девушка исчезла на закате, когда солнце разлилось в водах Босфора.

– Молодой человек, Вы едете обратно? – В ответ он лишь кивнул.

Он не знал, как жить дальше, а на плече его по-прежнему висел её фотоаппарат...

ИСПЫТАНИЕ ВЕРОЙ

– Что такое? Где я? – Вера очнулась, но открытые глаза ничего не видели. – Почему так темно?

– Не стоит переживать.

– Не стоит переживать? Не стоит переживать! Меня переехала машина, я же чувствовала всё! Как это, не стоит переживать?!

– Всё верно, так и было.

– Издеваешься что ли? Кто ты вообще такой?

– Я твой... Личный помощник, считай меня источником информации.

– Справочник? А я думаю, что за нотки знакомые в твоём голосе. Ты также рад делиться информацией, как справочное бюро. Отвечай, почему темно.

– Наверное, потому что ты не пожелала включить свет.

– А где он включается? – Вдруг что-то больно ткнуло по голове.

– Здесь. Я же сказал, ты не пожелала.

– Я хочу, чтобы было светло. Не люблю говорить с незнакомцами в темноте.

Вокруг стало светло, словно зажглись десятки лампочек. Глянув вверх, Вера не заметила лампочек. Зато увидела помещение. Оно напоминало просторную пещеру, отлично освещенную. Каменные стены и пол, в центре пещеры в полу выдолблен круг. И свет, исходящий ниоткуда. Удивительно, объяснения этому не было. Осмотревшись, она поняла, что осталась одна. Наверное, её птица-секретарь вышла включать свет и ещё не вернулась. Мебели не было.

– У того, кто здесь живёт, явно есть вкус, минималист, – съязвила она.

– Дура, – ответили стены. Девушка при этом вздрогнула.

– Кто здесь?

– Твоя птица-секретарь, – последовал язвительный ответ. Девушка вскочила на ноги, удивилась, снова села и опять встала.

– Это ты вспомнила про утреннюю зарядку?

– Я стою! Смотри, я прыгаю, живая, – девушка при этом скакала на одной ноге, размахивая руками для равновесия.

– За что мне всё это? Не могла ко мне сюда умная попасть? И ведь времени мало.

– Я поняла. Я умерла, всё-таки тот грузовик зацепил меня. А ты, значит, отправишь меня в следующую жизнь?

– Да нет же. Как есть: недалекого ума. Умерла – ничего, грузовик переехал, и на тебе, сразу в пункт-распределитель. Совсем обезумела.

– Что такое? С чего ты взял? И вообще, почему прячешься, и я тебя не вижу?

– Не положено. Ладно, перейдём к делу. Времени почти не осталось. Можем не успеть.

Девушка перестала прыгать, она теперь просто стояла в центре каменного зала. Раздался треск, и позади неё появилось огромное деревянное сооружение величиной во всю стену, затянутое нитками. Рядом с ним стояли несколько плетеных корзин и небольшой табурет на трех ножках.

– Запоминай. Дело это серьёзное и опасное.

– Для жизни?

– Всё шутки шутишь? А между тем время утекает.

– Уже молчу, – при этом Вера провела пальцами у рта в характерном жесте: молнию закрыла, замок повесила, ключ – вот. В ответ кто-то хмыкнул.

– Открыть потом не забудь, дура. Как есть, точно, она самая.

Далее повисла тишина. Девушка хотела её прервать, но не вышло. Рот действительно был закрыт на замок.

– Итак, – продолжил голос. – Надеюсь, ты знакома с такой вещью, как история человечества. Есть несколько важных принципов, которые лежат в основе. У всего, что происходит, есть причины и предпосылки. Это первый. Все фигуры и события на доске взаимосвязаны. Это второй. И третий: любая фигура может изменить ход истории. Ты оказалась здесь, потому что твоя предшественница провалила задание.

Вера слушала, было любопытно, тем более, что вставить слово возможности не было.
– Так вот. Место, где ты сейчас находишься, называется ПуХ.

«Пух, каменный Винни-Пух...»

Тут уже ничего не могло её остановить. Смех усиливался эхом, становясь все громче. И когда Вера перестала смеяться, эхо ещё какое-то время продолжало веселье, что делало всю ситуацию более пугающей.

– ПуХ – это пульт управления Хроноса. Мы потом обсудим с тобой все детали. Сейчас надо исправлять ошибки твоей предшественницы. Рита не справилась, много возомнила о себе, что не могло не сказаться на общей картине. Помнишь о войне Алой и Белой розы? Ты отправишься на Землю в Уэльс. Твоя задача привести к власти в Англии Генриха VII Тюдора. Надеюсь, ты хорошо знаешь историю и расстановку сил на доске. И запомнила основные принципы... Помимо знаний и твоих земных умений, у тебя будут некоторые способности. И помни, это не игра, не симулятор, погибаешь там, умираешь по-настоящему. И будь осторожнее. Не светись. Святая инквизиция этому только обрадуется.

Пока неизвестный помощник рассказывал, девушка сумела-таки открыть замок, и теперь снова могла говорить.

– А как я попаду обратно? Я смогу вернуться??

– Только после выполнения задачи... – В центре каменного круга возникло свечение, выросшее в нечто похожее на дыру в пространстве.

– Это переход. Тебе туда. Тольконими одежду, если она тебе дорога, испортится ещё. Да, и она там будет лишняя.

– Ну, уж нет, – возмутилась девушка, скрестив руки на груди. – Раздеваться ещё. Никуда не пойду.

Но неведомая сила толкнула её в спину, и Вера, споткнувшись, полетела прямо в переход. В пещере стало тихо.

– Как скажешь, деточка... – Птица-секретарь появилась и, взмахнув крылом, свернула портал, превратив его в небольшую сферу, напоминающую яйцо.

Оставалось надеяться, что новенькая справится и сможет переиграть Маргариту, уж больно хитрой оказалась предшественница.

Вера очнулась посреди дороги, лёжа на земле. На ней было длинное платье, больше напоминающее рубаху с несколькими юбками. Ткань не дешёвая, но благодаря падению одежда сильно испачкалась. Права была птица. Надо было слушаться...

– Какая фигурка, какое личико, – услышала девушка мужские голоса где-то недалеко, говорили явно о ней. «Пора бежать», – поняла она и, вскочив на ноги, подобрав юбки, бросилась в лес. Путешествие начиналось...

Маргарет Бофорт потерялась в лесу и упала с лошади во время охоты. Спустя три часа девушку нашли, сильно испуганной. Словно не в себе...

ДУХ ИЗОБИЛИЯ

Япония, 1195 г.

Близ Камакуры воздух всегда был влажный, говорят, можно неделями быть сытым, просто вдыхая его. Именно здесь расположилось военное правительство сёгуната. Лучшего места было не найти. Сама природа защищала эту гавань.

Джиру Като служил и везде следовал за своим мудрым господином.

Прошёл слух, что каждую ночь кто-то незаметно покидает пределы города. Об этом заговорили люди, когда обнаружили пропажу риса. История стала обрастать деталями, которых не было. Стали говорить, что духи Камакуры не одобряют политики сёгуната.

Господин поручил Джиру найти пропажу и пресечь слухи. Не было большей радости и чести, чем служить. Выслушав задание, он приступил к поискам. Чтобы отследить пропажу, весь рис свезли на склад, где перекрыли все окна и двери, кроме одной, у которой ночным сторожем остался Джиру.

Пару ночей было тихо. На третью ночь на складе раздались странные звуки. Джиру решил проверить и, обходя склад, обнаружил открытый мешок риса. Он был почти полный, его успели развязать и зачерпнуть оттуда немного. Юноша последовал за рисом, тоненькой дорожкой, уводящей его со склада. Полная луна в небе освещала все вокруг и помогала отыскать на земле белые крупинки. Так он оказался на самой окраине Камакуры. Рис привёл его к лесу, где след оборвался.

Внезапно фигура в рейфуку мелькнула среди деревьев, серая одежда была заметнее в лесу. Джиру отправился следом. Он шёл по чаще уже полчаса, когда его окликнули по имени.

Как могла оказаться здесь жена его господина?

Она позвала к себе юношу, и удивлённый Джиру подошёл к ней, стараясь убедиться, что это действительно она. Акира-но Мацуко была ещё довольно молода, и хотя господин был старше, говорили, что он нашёл своё счастье с этой женщиной. Казалось, даже отсутствие детей не омрачило их союз.

– Акира-но годзен, это Вы? – Юноша все же опасался стоять близко, не будучи уверенным.

– Что ты здесь делаешь, Джиру?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.